

ЦАРЬ, ЦАРЕВИЧ
КОРОЛЬ, КОРОЛЕВИЧ...

Юлий БУРКИН
Сергей ЛУКЬЯНЕНКО

Остров Русь

Сергей Лукьяненко

**Царь, царевич,
король, королевич...**

«АСТ»

1997

Лукьяненко С. В.

Царь, царевич, король, королевич... / С. В. Лукьяненко —
«АСТ», 1997 — (Остров Русь)

Новые увлекательные приключения уже полюбившихся героев Юлия Буркина и Сергея Лукьяненко в самой развеселой и разудалой повести «Царь, царевич, король, королевич...». Третья часть трилогии «Сегодня, мама!», «Остров Русь», «Царь, царевич, король, королевич...».

© Лукьяненко С. В., 1997

© АСТ, 1997

Содержание

Предисловие,	6
Часть первая	19
Глава первая,	19
Глава вторая,	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Сергей Лукьяненко, Юлий Буркин

Царь, царевич, король, королевич...

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Ю. Буркин:

Друзьям – писателям и фэнам...

С. Лукьяненко:

В том числе и друг другу!

Предисловие, в котором доктор Ватсон впервые видит Холмса растерянным

– Вижу, что вы получили мою телеграмму, – сказал Шерлок Холмс вместо приветствия. И лишь потом, радостно улыбаясь, пожал мне руку: – Как я рад видеть вас, Ватсон! Так любезно с вашей стороны пожертвовать вечером в галерее Тейт, прервать экскурсию с любимым племянником...

– Холмс, Холмс, помилосердствуйте, – взмолился я, усаживаясь в кресло перед камином. Огонь весело плясал, на столике поблескивали хрустальные бокалы, а по лестнице уже шаркали тапочки миссис Хадсон. В предвкушении горячего чая я умиротворенно вздохнул и спросил:

– Шерлок, я понимаю, как надоели вам мои вопросы, но откуда? Откуда вы все это узнали? Про телеграмму, про племянника, про вечер в галерее Тейт?

– Элементарно, Ватсон. – Шерлок Холмс развел руками, потом снял с камина персидскую туфлю с табаком и приступил к набивке трубки. – Все очень просто, если применять мой метод дедуктивного мышления. Итак...

Он глубоко затянулся душистым болгарским табаком, снисходительно посмотрел на меня и сказал:

– Вчера, как вы помните, я посылал вам телеграмму с приглашением посетить Бейкер-стрит сегодня вечером. Вы ответили мне, что, к сожалению, не можете воспользоваться приглашением, ибо ваш племянник, приехавший из Суссекса на пару дней, просил показать ему галерею Тейт. И вы уже обещали молодому человеку посвятить этому нынешний вечер...

– Значит... – растерянно сказал я. Холмс кивнул.

– Именно. Я знал, где вы и с кем. Поэтому я попросил посыльного отнести телеграмму в галерею. Раз вы там были, то вы были со своим племянником. Если все-таки пришли – значит, получили телеграмму. Элементарно, Ватсон!

– Действительно, элементарно, – был вынужден признаться я. Но Холмсу явно наскучил наш разговор. Он выхватил из-за пояса револьвер, пальнул в потолок и заорал:

– Хадсон, чаю!

– Спешу-спешу, – пролепетала бедная старушка, пересекая гостиную. В руках ее подрагивал поднос с двумя чашечками пахучей жидкости бледно-желтого цвета.

– Если можно, еще по чашечке, – любезно попросил Холмс, пряча револьвер. Миссис Хадсон кивнула, поставила поднос на столик и пустилась в обратный путь. Холмс поднес чашечку к губам, блаженно улыбнулся:

– Попробуйте, Ватсон. Такого вы еще не пили. Это турецкий чай, а турецкий чай есть традиция в Турции.

Глядя на медленно рассеивающееся облачко порохового дыма, я вполголоса спросил:

– Холмс, Бога ради, что случилось с нашей дорогой миссис Хадсон? Она не ругает вас даже за стрельбу в вечернее время!

Холмс пренебрежительно махнул рукой:

– Мелочи, Ватсон. Вчера мы поспорили с ней, кто быстрее сложит пасьянс. Я выиграл и теперь могу делать что угодно целую неделю.

– Шерлок, вы выиграли у миссис Хадсон? – поразился я. – Но она – мастер по раскладыванию пасьянсов, а вы – совершеннейший дилетант.

– Позавчера был сильный дождь, – небрежно обронил Холмс.

– Ну и что? При чем здесь пасьянс?

– У миссис Хадсон застарелый ревматизм.

– Ну?

– Вы же доктор, Ватсон. Сложите два и два. Миссис Хадсон вчера еле шевелила руками из-за очередного обострения ревматизма! А признаться в этом ей мешало женское кокетство. О женщины, – вздохнул Шерлок. – Женщины... Кстати, именно с женщинами, точнее – с женщиной, связана моя просьба к вам – покинуть племянника и прийти на Бейкер-стрит.

Нахмурившись, я попытался проследить за причудливыми извилинами мысли гениального детектива. Так ничего и не поняв, я небрежно спросил:

– Так, и зачем же я понадобился?

– Вам придется отбросить все личное, – понизив голос, сказал Холмс. – Отбросить все, кроме профессионализма, и выслушать меня до конца.

Я понял все в ту же секунду. О бедный Шерлок! Холостяцкая жизнь, частые визиты в лондонские притоны, необходимость притворяться то нетрезвым матросом, то частным адвокатом...

– Холмс, друг мой, – тихо сказал я. – Не пугайтесь. Многие мужчины проходят через это. Помню, в студенческие годы я сам... Впрочем, не важно. Медицина в наши дни сделала огромные успехи. С помощью раствора марганцовки, ляписа и горячей грелки я исцелю вас...

Холмс захохотал. Мне даже показалось, что мой бедный друг повредился в уме. Но уже через мгновение Шерлок успокоился и сказал:

– О нет, Ватсон! Я не подхватил триппер, вы ошиблись!

– Да?

– Да! Вы нужны мне как профессионал – помощник сыщика, а не как врач-профессионал.

Похвала от Шерлока была событием в нашей дружбе, и я невольно простил ему оскорбительный смех над медицинской наукой.

– Я слушаю вас, Холмс, – самым деловым тоном произнес я. Шерлок отхлебнул чая, поморщился, потом склонился ко мне и доверительным шепотом спросил:

– Вы помните сокровища Агры, Ватсон? Помните Знак Четырех?

– Как же мне не помнить? – изумился я. – Ведь в результате этого дела я обрел жену, очаровательную мисс Морстен.

– Как ее здоровье? – неожиданно спросил Холмс.

– Нормально...

Холмс кивнул с таким мрачным видом, словно его огорчила эта новость. Потом скорбно сказал:

– Ватсон, дорогой. Мы совершили ошибку в том деле, большую ошибку! Мы упустили настоящего преступника и стали причиной гибели невинного человека.

Ничто, ничто в этом мире не поразило бы меня столь сильно. Визит на Бейкер-стрит Ее Величества, женитьба Холмса, напившаяся рома миссис Хадсон, – о, я мог бы представить себе любое из этих событий. Но неудача в расследовании, казалось бы, столь блестяще завершенного дела...

– Неужели нельзя ничего поправить? – с трепетом спросил я.

– Можно, – скорбно ответил Холмс. – Выпейте пока чаю, Ватсон, это закалит вас. И слушайте, слушайте... Ох как я не хочу говорить, но истина, друг мой, дороже всего. Итак, несчастный Бартоломью Шолто, владелец сокровищ Агры, был убит. И мы решили, что преступником был дикарь Тонга, слуга Джонатана Смолла...

– Да, и разве могут быть сомнения? Отравленная игла в ухе несчастного...

– Иглы могут втыкаться в свежий труп с той же легкостью, как и в живое тело, – зловеще сообщил Холмс.

– Бог мой, о чем вы?

– Ватсон, мне уже во второй раз сегодня приходится напоминать вам, что вы врач. Вы знакомы с растительными ядами... хотя бы понаслышке. Они действуют быстро, но не мно-

венно. Неужели вы всерьез полагаете, что человек, в которого вонзилась отравленная игла, останется мирно сидеть в кресле, скорчив лишь злобную ухмылку?

– Ну...

– Ухмылка. Зловещий оскал на лице мертвеца. Ватсон, если бы Бартоломью был отравлен ядом, вызывающим судороги и спазмы, он просто слетел бы с кресла! Спазмы мускулатуры скинули бы его на пол.

– И правда, – с ужасом прошептал я. – Но как же...

– Его отравили, но отравили стрихнином, – грустно сказал Шерлок. – Отравили, дождался смерти и усадили обратно в кресло. Усадили, зная, что бедный дикарь проникнет в комнату через чердак и выстрелит! И убийство можно будет свалить на него.

– Но... но... это жуткое хладнокровие... расчетливость... кто?!. Как можно было все так точно рассчитать?

– Слушайте меня внимательно, Ватсон. Что мы имеем? Два брата-близнеца, Бартоломью и Тадеуш, часто ссорящиеся, недолюбливающие друг друга. Тадеуш пристально следит за судьбой Мэри Морстен, посылает ей жемчужины... предлагает поделиться с ней сокровищами. Бартоломью против. Кто еще участвует в драме? Старый негодяй и правдоискатель Джонатан Смолл... имя-то какое заурядное! Его слуга, пигмей, который едва может общаться с хозяином. Тот великодушно выучил пару пигмейских слов, а у Тонги и на это не хватило способностей. Далее. Верный слуга рода Шолто, индус Лал Рао, который почему-то вдруг решил пособлять Смоллу. Зачем, Ватсон? Лал Чавдар, отец Рао, помог майору Шолто спрятать труп Морстена... А сын вдруг решил предать хозяина. Почему? Индусы верный народ, Ватсон!

– Как же вы все объясните, Холмс? – дрожа от нетерпения, спросил я.

– Дело обстояло так... Тадеуш, принимая искреннее участие в судьбе Мэри Морстен, рассказал ей о сокровищах и привел к Бартоломью. Он требует поделить сокровища на три части, после чего они с Мэри поженятся и откроют собственное дело – частный пансионат для девушек.

– Ох... – только и вымолвил я.

– Бартоломью против. Тогда Тадеуш и, простите меня, Ватсон, ваша будущая супруга убивают несчастного скупердяя. Усаживают в кресло... и просят верного Лал Рао, к которому давно подъезжает Джонатан Смолл, поддаться на его уговоры. И дать знать, что в этот вечер Бартоломью останется один... с найденными сокровищами! Джонатан вместе с пигмеем идут на дело. Они не ведают, что драгоценности уже заменены дешевой бутафорией. Пигмей «убивает» труп, возможно, понимает свою ошибку, но объяснить что-либо разгневанному хозяину не в силах. Два неудачника уносят поддельные побрякушки. Мисс Морстен приходит к нам, разыгрывает маленькую комедию... потом к ней подключается и Тадеуш, изображая из себя дурачка-ипохондрика. И мы верим им...

– Ой... ой... – простонал я.

– Джонатан выкидывает поддельные драгоценности в Темзу, пигмей убит нашими пулями... Мисс Морстен, очевидно и вправду полюбив вас, соглашается стать миссис Ватсон. Тадеуш, который ее любит, расстроен, но огромное состояние смягчает его муки. Верный Лал Рао на некоторое время садится в тюрьму... Тадеуш его после вознаградит. Меня смущает лишь одно: почему мисс Морстен до сих пор не сообщила вам о своей доле сокровищ? Видимо, ищет благовидный повод. А может, ее шантажирует бывший соучастник... Она вас любит, Ватсон, утешьтесь этим. – Шерлок выдержал паузу, затем тихо спросил: – Итак, что мы будем делать? Оставим все как есть или же дадим делу законный ход?

– Холмс... – простонал я. – Друг мой... Ваша логика безупречна... Боже! Моя жена – убийца! Что делать, я не знаю... Холмс...

Холмс захохотал.

– Как вы жестоки, – с чувством сказал я.

– Милый Ватсон! – Холмс подался ко мне. – Успокойтесь! Я лишь хотел показать вам, что методом дедукции можно доказать любые, прямо противоположные вещи! Детективу надо иметь еще и голову кроме знаний дедукции! Я пошутил! Бартоломью убил пигмей! Драгоценности на дне Темзы! Ваша жена невиновна!

Холмс снова захохотал и с криком: «Шампанского, Хадсон, шампанского!» – пальнул в потолок из револьвера.

– Вы сегодня несносны, – буркнул я сердито, раскуривая трубку. – Как вы можете? Издеваться над миссис Хадсон, пугать меня...

Холмс повернулся, и я увидел, что на глазах его блеснули слезы:

– Ватсон, дорогой, простите! Я не прав. Но войдите и вы в мое положение: вот уже три недели нет ни одного приличного дела. Я скучаю, Ватсон! Так скучаю!

– Мой бедный друг, – прошептал я. В моей голове родилась безумная мысль: а не организовать ли диковинное преступление? Похитить Биг Бен или обокрасть Тауэр? – Ради Холмса я готов был на все.

– Я так сильно скучаю, – повторил Холмс. – Очень сильно. Шампанского! – И он опять выстрелил в потолок из револьвера.

В это мгновение дверь гостиной отворилась и колеблющейся походкой вошла миссис Хадсон. Но в руках у нее было не шампанское, о нет! В руках у нее была длинная кавалерийская сабля!

На какое-то мгновение мне показалось, что выведенная из себя старушка решила прекратить пальбу, отрубив Холмсу голову или по меньшей мере руки.

– Мистер Холмс, – невозмутимо сказала наша добрейшая миссис Хадсон, – незадолго до прихода доктора Ватсона, когда вы кололи себе утреннюю порцию кокаина и я не решалась вас беспокоить, к вам приходили два джентльмена со слугой-негром. Они забыли вот это...

Глаза Холмса засверкали. Он отложил трубку, бережно взял из рук миссис Хадсон саблю и принялся ее разглядывать. Потом повернулся ко мне:

– Ну, что вы можете сказать об этой сабле, Ватсон?

Его уныния как не бывало. Обрадованный такой переменной в своем друге, я принял клинок из его рук.

– Во-первых, – сказал я, стараясь во всем следовать методу Холмса, – это отличная кавалерийская сабля. С хорошим отвесом... острым клинком.

– Великолепно! – подбодрил меня Холмс.

– Во-вторых, – я задумался, – забыть саблю, боевое оружие, в чужом доме – это неслыханно!

– Так.

– И в-третьих – сабля очень потертая, побывавшая не в одном бою. Отсюда можно сделать вывод, ее владелец – пожилой отставной военный, кавалерист, страдающий склерозом и чем-то глубоко озабоченный.

– Блестяще! Блестяще! – завопил Холмс. – Вы превзошли себя, доктор!

Я скромно улыбнулся. Миссис Хадсон раскрыла было рот, но Холмс строго посмотрел на нее, и старушка промолчала. Тогда друг взял саблю обратно, внимательно осмотрел ее и сказал:

– Ну что ж, я могу сказать о владельце этой сабли следующее: это крепкий мужчина средних лет, служивший где-то в Индии, никогда не ездивший на коне, абсолютно лысый, любящий колбасу с чесноком и старающийся прочитать все попадающиеся на глаза книги и газеты. Сабля подарена ему другом.

Меня эти бездоказательные построения несколько рассердили.

– Холмс, – мягко сказал я, – сегодня вы не в лучшей форме.

Шерлок Холмс вздохнул и протянул мне саблю.

– Глядите, доктор. Сабля очень тяжелая, старик не сумел бы ее долго носить. А ножны изрядно потертые – но только не с правой стороны, как было бы, ездил бы он на коне, а внизу. Вывод: это крепкий нестарый человек, обычно передвигающийся пешком.

– Но почему с кавалерийской саблей? – завопил я.

– Подарок, память о друге, – спокойно ответил Холмс. – Сабля выкована из дамасской стали, вывод: ее владелец служил в Индии. На клинке остались крошечные кусочки колбасы с чесноком, похоже, саблю использовали вместо столового прибора.

– Боевое оружие? Позор... – прошептал я.

– Это еще не все, – соболезнующе сказал Холмс. – На жирном лезвии остались буквально микроскопические частички волос. Цвета их разглядеть не могу, но вывод напрашивается сам собой: владелец регулярно брил саблей голову.

Я схватил со стола бокал с шампанским и осушил его одним глотком.

– Ну и о книгах-газетах, – невозмутимо продолжил Холмс. – На тех же жирных пятнах остались частицы бумаги – как газетной, так и книжной.

– Ужасно, – пробормотал я. – Неслыханно... К чему идет Англия?

– Самое интересное, что владелец сабли – не англичанин, – задумчиво сказал Холмс, закуривая. – Но доказать это дедуктивно я не могу. Пока.

Некоторое время мы молча курили, глядя в камин. Потом я спросил у миссис Хадсон:

– Холмс не прав, ведь верно?

– Прав, – кратко ответила старушка. – Лысый мужчина средних лет, от него пахло чесноком, он читал «Таймс», разрезая страницы саблей. Очень загорелый, вот как вы, когда только приехали из Афганистана. С ним еще были...

– Молчите, Хадсон, молчите! – закричал Холмс. – Дедукция подсказывает мне, что мы найдем в прихожей еще что-нибудь! И сделаем вывод о спутниках офицера самостоятельно!

Через минуту мы уже были в прихожей. Зоркие глаза Холмса обожали комнату, потом он вскрикнул и поднял стоящий у дверей ботинок.

– Это ваш? – с благоговейным ужасом спросил он.

– Нет, – признался я с сожалением. Ботинок был хороший, кожаный, но без пары и слишком большого размера, чтобы стоило на него претендовать.

– Удивительно, – прошептал Холмс. – Потрясающе... Забыть трость – естественно. Забыть саблю – возможно. Но забыть ботинок... Что вы о нем скажете?

Наученный горьким опытом, я изучал ботинок минут пять. Потом рискнул сделать предположение:

– Его владелец – мужчина с ногами.

Несколько мгновений Холмс озадаченно смотрел на меня. Затем робко спросил:

– Все?

– Все! – ехидно сказал я.

– Да, не поспоришь, – согласился Холмс. – Можно только добавить. Владелец ботинка – молодой парень, худощавый, с большими руками и ногами. А еще он притворяется шотландцем, солнечно-рыжий, в хороших отношениях со своим слугой-негром, таскает с собой волынку, на которой не умеет играть, регулярно бреет ноги и носит толстые шерстяные носки.

Я присел на тумбочку для зонтиков и спросил:

– Бог мой, но как? Как вы сумели понять это?

– Если бы вы читали мой трактат об обуви и характере ее владельцев, то никогда бы не задали такого вопроса. – Холмс похлопал меня по плечу. – Такие ботинки может носить лишь молодой и худощавый парень. Что касается остального... На ботинке мелкие рыжие волосы – ботинконоситель брил ноги уже после того как обулся. Но как он мог это сделать в брюках? Вывод – он носит шотландскую юбочку, килт. Раз он ушел, забыв ботинок в такую прохладную погоду, значит, на нем были толстые шерстяные носки. Но шотландцы не носят носков!

– Да? – поразился я.

– Да, – подумав, сказал Холмс. – Мне так кажется. Если же владелец ботинка носит шотландскую юбку, но при этом надел носки – значит, он лишь притворяется шотландцем! А любой выдающий себя за шотландца будет повсюду таскать волюнку. Но играть на ней не сможет – это чисто шотландский порок... Что там я еще говорил?

– Слуга-негр, – напомнил я, – в дружеских отношениях с лжешотландцем.

– Самое слабое звено моих предположений, – признал Шерлок. – Я делаю этот вывод лишь на основании того, что ботинки хорошо начищены. Значит – у слуги с якобы шотландцем хорошие отношения. А что слуга – негр, нам сказала миссис Хадсон. Придется поверить ей.

– Честное слово! – возмутилась миссис Хадсон.

– Ладно, поверим в вашу наблюдательность, – решил Холмс.

На несколько минут мы погрузились в раздумья. Потом Шерлок опустился на колени и стал ползать по полу.

– Вы что-то нашли? – спросил я.

– Нет, но давайте поищем! – предложил Холмс. Я послушно опустился рядом, и мы принялись ползать по полу вместе.

– Вы уж извините, я тут давно не прибирала, – созналась миссис Хадсон.

– Да, я вижу, с прошлого вторника, – рассеянно ответил Холмс, заползая под диванчик, на котором обычно сидели наши посетители. И тут же оттуда донесся его вопль.

– Что случилось? – Я попытался прийти к Холмсу на помощь, но вдвоем мы под диваном не помещались.

– Дорогу, Ватсон! – кричал Холмс. – Шампанского, Хадсон! Это самая удивительная находка в моей жизни! Мышь! Мышь!

– А-а-а!!! – завопила миссис Хадсон, с неожиданной ловкостью запрыгивая на тумбочку для зонтиков.

– Не бойтесь, она в клетке! – сообщил Холмс, выныривая из-под дивана.

– Тогда я пошла за шампанским, – успокоилась миссис Хадсон. – Снимите меня, доктор!

– Для вас, миссис Хадсон, все что угодно! – сказал я, галантно снял старушку с тумбочки, отнес на кухню и вернулся к Холмсу. Мой гениальный друг сидел на диванчике, поставив на колени небольшую металлическую клетку вроде тех, в каких обычно держат канареек. Он внимательно смотрел на маленькую черную мышь, которая, в свою очередь, сердито смотрела на Холмса.

– Ничего не понимаю, – горестно признался Холмс. – Мышь! В клетке! Если я не ошибаюсь – самочка, из вида Мус Минутус, мышь-малютка... Кто посадил ее в клетку? Зачем? И почему носил с собой? Ничего не понимаю.

Миссис Хадсон принесла нам шампанское и строго напомнила:

– Мистер Холмс, уже девять часов. Вы пропускаете время вечерней инъекции!

– Мне не до кокаина, – грустно сказал Холмс. – Я чувствую, что столкнулся с совершенно удивительной загадкой. Сабля, башмак и мышь! Ватсон, если вам еще не надоели ваши литературные опыты, можете назвать это дело «Делом плененной мыши». Или «Делом шотландского ботинка».

– Я не столь оптимистически настроен, – признался я. – Даже если удивительная троица вновь посетит нас, все равно их дело может оказаться вполне заурядным.

– Люди, пришедшие с заурядными делами, не забывают клеток с мышами, – торжественно сказал Холмс. – Пройдемте в гостиную, выпьем чаю, покурим, я сыграю на скрипке... Надо подумать об этом удивительном деле.

Мы вернулись в гостиную, но не успели еще набить трубки, как внизу затренькал колокольчик.

– Бегу-бегу, – прошелестела миссис Хадсон, направляясь к двери.

– Я уверен, что это они, – сказал Шерлок. – Эх, сюда бы Лестрейда с его револьвером... Ладно, возьмите с камина хлыст, а мне дайте кочергу.

Спрятав под креслами орудия самообороны, мы напряженно уставились на дверь.

– Бегу-бегу, – доносился с лестницы голос миссис Хадсон. – Уже почти открываю дверь!

– Вы думаете, будет драка? – спросил я.

– Надо быть готовым ко всему, – туманно ответил Холмс. – Не внушают мне доверия наши гости, Ватсон. Что-то с ними нечисто...

Наконец миссис Хадсон впустила посетителей. Мы услышали, как они раздеваются в передней, потом по лестнице затопали тяжелые шаги.

– Дедукция подсказывает, – прошептал Холмс, – что это будет самое удивительное и мистическое приключение в моей жизни!

– Удивительней собаки Баскервильей? – поразился я.

– Во сто крат! – уверенно сказал Холмс и громко крикнул: – Войдите!

Дверь медленно открылась, и в гостиную вступила удивительная троица. При виде ее у меня улетучились все сомнения в сложности предстоящего дела, а рука сама полезла под кресло, за хлыстом.

Первым шел высокий мужчина, в жилах которого, судя по чертам лица, текла и капля азиатской крови. Одет он был в военный мундир колониальной армии. Был он абсолютно лыс, щеки и подбородок тоже казались выскобленными до блеска. От незнакомца явственно несло чесноком. Из одного кармана кителя торчала свернутая в трубку газета, из другого – маленький томик, в котором я не без гордости узнал собственные «Записки о Шерлоке Холмсе», любезно выпущенные полгода назад мистером Конан Дойлом.

Следующим шел молодой рыжий парень. Был он настолько рыж, что в печально знаменитом «Союзе рыжих» достоин был бы занимать место председательствующего. Под мышкой парень небрежно держал полуспущенную волюнку. Клетчатый кильт доходил ему до колен, далее тянулись голые ноги, слегка посиневшие от холода и покрытые частыми порезами от регулярного бритья. Толстые шерстяные носки на ногах разительно отличались друг от друга: один носок был девственно чист и, если не считать заплатки на месте большого пальца, вполне приличен; зато другой весь оказался заляпанным жидкой уличной грязью. В довершение картины на руках у парня были толстые кожаные перчатки.

Третьим шел негр. Вид его немедленно напомнил мне о тяжком бремени белого человека – ибо негр был из тех, что явно нуждаются в дрессировке. Исполинского роста и телосложения, с копной курчавых волос на голове и в цветастой набедренной повязке, негр походил на людоеда из детских сказок. В носу его болталось огромное золотое кольцо, за пояс был заткнут длинный кинжал.

– Мы имеем честь видеть мистера Шерлока Холмса? – вежливо осведомился мужчина восточной наружности.

Вместо ответа Холмс выпустил клуб дыма из трубки и спросил:

– Могу ли я узнать, кому понадобился Холмс?

Военный кивнул, как бы извиняясь за свою напористость.

– Позвольте представиться. Мистер Мак-Смоллет, – он указал на рыжего парня, который торопливо поклонился и заискивающе улыбнулся Холмсу. – Вождь Иванду, – и огромный негр отвесил нам поклон. – И наконец, ваш покорный слуга – генерал Кубату.

Холмс молча курил. Потом поинтересовался:

– И что же привело ко мне мистера Мак-Смоллета, вождя Иванду и генерала Кубату?

С тяжелым вздохом Кубату опустился в ближайшее кресло, даже не спрашивая разрешения. Впрочем, Мак-Смоллет и Иванду скромно остались стоять у двери.

– Нас привела беда, мистер Холмс. Но прежде чем я изложу все обстоятельства дела, столь же запутанного, сколь и необычного, позволено ли мне будет спросить: свободны ли вы в данный момент?

Холмс пожал плечами и ответил:

– Преступный мир никогда не оставляет меня без работы. Но я готов выслушать вас, генерал... Только вначале ответьте: это ваше?

И Холмс выхватил из-под стола саблю.

– Моя... – нервно хлопая рукой по бедру, отозвался Кубату. – Боже! Я забыл саблю в вашей прихожей, разрезая свежую газету...

– А это – ваше?! – с напором спросил я Мак-Смоллета, поднимая за шнурок шотландский ботинок. Мак-Смоллет удивленно посмотрел на свои ноги и тихо сказал:

– Моя... Мой то есть.

– А это тогда чье? – ласково поинтересовался Холмс, водружая на столик клетку с мышью. – Возможно, это животное отважного Иванду?

Негр замотал головой. Зато Кубату, потупившись, пробормотал:

– Мистер Холмс, позвольте признаться... Зная, что вы беретесь лишь за самые необычные дела, мы специально оставили в вашем доме клетку с мышью. Мы надеялись заинтересовать вас...

– Вы вполне заинтересовали меня, забыв ботинок и саблю, – сурово заметил Холмс, но голос его показался мне довольным. – Так что это за таинственное дело, которым вы так надеетесь меня заинтересовать?

Кубату засунул саблю в ножны, подался вперед и зловещим шепотом сказал:

– Речь идет о жизни детей, мистер Холмс. О жизни двух мальчиков, похищенных жестоким злодеем.

Шерлок удивленно поднял брови:

– Похищенные дети? Вы хотите сказать, что кто-то похитил *детей* и угрожает им смертью?

– Да, – без особой дрожи в голосе сказал Кубату.

Меня прошиб холодный пот. Если генерал не врал... Мы действительно столкнулись с ужасающим, беспримерным преступлением. Пока я приходил в себя, Холмс, чьи нервы были покрепче, сухим, резким тоном потребовал:

– Обстоятельства дела!

– Вы беретесь? – в тон ему по-деловому поинтересовался Кубату.

– Все, что в моих силах, – отрывисто сказал Холмс. – То, что вы сообщили, неслышанно... Рассказывайте.

Кубату вздохнул и начал:

– Я, как вы могли заметить, мистер, полукровка. Отец мой был сикхом, мать – англичанкой. История их любви и брака, одобренного губернатором Индии, достойна отдельного повествования. Скажу лишь, что, получив лучшее из доступных в Индии образований, я поступил на службу Ее Величества и дослужился до чина генерала. Но речь не обо мне... Итак, последним местом моей службы был Пенджаб. Благодаря отменным физическим и душевным качествам, скромности и обаянию я был на хорошем счету в пенджабском гарнизоне... Впрочем, дело и не в этом. Итак, вернувшись из служебной поездки в Америку (добавлю, что ранее мне не приходилось покидать пределы Индии, а тут поехал за границу, и причем сразу в Соединенные Штаты), я продолжил службу Ее Величеству. Впрочем, речь не о ней. Среди моих друзей был некий английский археолог, забавный и милый человек, чья жена, тоже археолог, не менее мила. Два сына археологов, мальчики одиннадцати и двенадцати лет, были очень привязаны ко мне. Не имея собственной семьи, я относился к ним с большой нежностью и старался

по мере сил передать хоть малую толику своих обширных знаний и навыков. Правда, Смол... Смоллет?

Ничуть не обидевшись на такое панибратское обращение, Мак-Смоллет кивнул.

– Итак, благодаря моим рассказам и личному примеру дети были очень ко мне привязаны. Особенно младший. Несколько месяцев назад, как раз после возвращения из Америки, где я повидал много интересного и поучительного, например американские библиотеки и магазины... О чем я? Итак, после своего возвращения в Индию я увидел, что дети чем-то встревожены. Ненавязчивые вопросы и такт позволили мне узнать о происшедшей за время моего пребывания в Америке истории. Отец мальчиков, как я уже говорил, археолог, раскопал некий древний и полузабытый храм, посвященный отвратительной индийской богине Кали. Богиня эта...

– Я в курсе, – повторно набивая трубку, сказал Холмс.

– Итак, богиня эта, – ничуть не смутившись, продолжил Кубату, – очень отвратительна. А ее поклонники – еще хуже. К несчастью, вблизи храма жил некий престарелый индийский маг, по общему мнению окрестных жителей – бессмертный. Этот маг, решив, что археолог оскорбил святыню индийского народа, пригрозил ему страшной карой. А именно: он заявил, что дети археолога умрут. Я как мог успокаивал своих юных друзей. Но недавно они исчезли. Имеются все основания предполагать, что маг выполнил свою угрозу и похитил мальчиков. Однако мы смеем надеяться, что дети еще живы. Поэтому я, а также дальний родственник археолога Мак-Смоллет и преданный слуга археолога Иванду отправились в путь. К вам, мистер Холмс! Лишь вы способны спасти детей, принести счастье их родителям, успокоение мне и солидное вознаграждение самому себе.

– Насколько солидное? – заинтересовался я, зная, что друг мой ничуть не заботится о своем благосостоянии.

– Тысяча, – кратко ответил Кубату.

– Чего? – растерялся я. – Шиллингов?

– Гиней. Золотых гиней, – заискивающе улыбнувшись, ответил Кубату.

– Никогда не думал, что археология – столь прибыльное занятие, – меланхолически заметил Холмс, посасывая трубку.

– Дело в том, – внезапно вступил в разговор негр, – что я – большой вождь мальгашского племени пога-тири. Я обязан археологу жизнью. И готов отдать все золото нашего племени для спасения его наследников.

Изъяснялся негр на прекрасном чистейшем английском языке, и я проникся к нему и его трогательной верности хозяину невольным уважением.

– Как были похищены дети? – внезапно спросил Холмс. – И почему вы думаете, что они еще живы? И где предполагаете их искать?

– А на эти вопросы, – пожав плечами, сказал Кубату, – я отвечу лишь после того, как вы подтвердите, что беретесь за розыск детей.

Наступило тягостное молчание. Прервал его Холмс:

– Приходите завтра в это же время. Я должен все обдумать.

Ни Кубату, ни Мак-Смоллет, ни отважный Иванду не проявили признаков нетерпения или обиды. Откланявшись, они вышли из гостиной. Лишь на столе осталась клетка с черной мышью, а на полу – вновь забытый Мак-Смоллетом ботинок.

Мы с Холмсом продолжили разговор после чудесного ужина, поданного миссис Хадсон. Баранья отбивная была просто великолепна, кларет отличался изысканным букетом, а к турецкому чаю я уже начал привыкать.

Набив поплотнее трубки, мы с Холмсом уселись друг против друга, и я поинтересовался:

– Итак, Холмс, что мы будем делать? Вы беретесь за это дело?

– Очевидно, – без убежденности в голосе ответил Холмс.

– Вас что-то беспокоит?

– Да, есть одна мелочь, – отозвался знаменитый детектив. – Девяносто процентов сказанного Кубату – ложь.

– Почему?

– Долго объяснять, Ватсон. Скажу лишь, что какие-то исчезнувшие дети, видимо, и вправду существуют. Но вот причины, по которым Кубату – будем пока называть его так – и его странные спутники ищут детей... Здесь не все так просто. Тысяча гиней...

Холмс покачал головой. Потом, отпив немного чая, оглушительно свистнул и лукаво посмотрел на меня. Не скрою – я догадался, что произойдет.

– Звали, мистер Холмс? – печально поинтересовалась миссис Хадсон, перемещаясь из коридора в холл.

– Звал, – радостно подтвердил Холмс. – Миссис Хадсон, дорогая, не позовете ли вы мою нерегулярную гвардию?

– Натопчут... – вздохнула миссис Хадсон, покидая комнату.

– Холмс, вы не правы, – с укором заметил я. – Нельзя посылать старую больную женщину за уличными мальчишками.

– Да? А плату за квартиру повышать правильно? – неожиданно взорвался Холмс. – Половина моих доходов уходит на аренду жилья!

– Вы давно могли бы выкупить дом или переехать, – неуверенно предложил я.

– Переехать? А как же я буду жить без нашей дорогой миссис Хадсон? Я так привык к ее ворчанию, к ее бифштексам, к ее плавной поступи... Не просите, Ватсон.

Сбитый с толку, я лишь покачал головой. Да, мой гениальный друг имел свои слабости и недостатки.

Мои размышления прервал гвалт ввалившихся в холл детей. Это были те самые лондонские гамены, юные бездельники с Бейкер-стрит, которые предпочитали зарабатывать на жизнь не мытьем кэбов на перекрестках или продажей газет на углах, а выполнением мелких поручений Холмса. День и ночь они толпились у дверей, лучше любой вывески показывая, где живет детектив.

– Звал, начальник? – стараясь казаться солидным и взрослым, сказал старший из них, юноша лет шестнадцати.

– Есть дело, – просто ответил Холмс.

– Раз плюнуть, – небрежно ответил юнец и в доказательство своих слов плюнул на дорожку персидский ковер.

– Надо проследить кое за кем, – не обращая внимания на поведение гостя, продолжил Холмс.

– За лысым офицером, шотландцем в одном ботинке и негром? – осведомился юнец. – Мы уже проследили, на всякий случай.

– Отлично! – Холмс потер руки, встал с кресла и оглядел свою «гвардию». – Растете, ребята!

– Стараемся, начальник, – гордо ответил самый младший, добывая из кармана рваных брюк сигарный окурочок. – Огонька не найдется?

– У тебя за спиной целый камин, – осадил зарвавшегося ребенка Холмс. – Сколько с меня?

– По гинее каждому... ну и по три шиллинга за оперативность, – осторожно предложил старший.

Холмс, не споря, расплатился, и предводитель гаменов начал свой рассказ:

– Короче, так... Живут эти лохи в гостинице «Бодливый бык». Не гостиница, а тьфу! – одно название. Снимают комнату с тремя постелями. Негр тоже на кровати спит, совсем как

человек. Под кроватью у шотландца кожаный чемодан, тяжелый – жуть! Я пробовал приподнять, чуть руки не оторвал. У офицера и негра вещей почти и нету. Так, ерунда, унести – раз плюнуть. Когда они от вас ушли, то вначале заглянули в лавку ювелира на Нельсон-стрит, семнадцать. Что-то ему продали, я не разглядел – стекла в лавке грязные. Тоже мне, ювелир-грязнуля, тьфу на таких! Вот и все. Сейчас сидят в гостинице, едят говяжьи почки с хреном. Тьфу, гадость...

– Свободны, – коротко поблагодарил детей Холмс и принялся бродить по комнате, старательно обходя заплеванное место.

Я, приоткрыв рот, следил за ним. Мне иногда кажется, что если приглядеться хорошенько, как думает Холмс, то можно стать сыщиком не хуже, чем он. Вот только у меня с наблюдательностью плохо.

– Кстати, Ватсон, вы тоже свободны, – вдруг обронил Холмс. – Вас ждут жена и племянник.

– Как вы догадались?

– Уже второй час ночи, доктор.

С криком «Кэб! Кэб!» я выскочил на улицу.

После небольшой, но содержательной беседы с женой я спал как убитый. Но в пять утра меня разбудили.

– Вставайте, доктор, вас ждут пациенты, – громко прошептал мне кто-то в самое ухо. Спросонок я не сразу узнал голос. Конечно же, это был Холмс.

– Нельзя так шутить, Шерлок, – укоризненно сказал я, натягивая брюки. – И вообще... Я хочу спать, у меня много дел сегодня...

– Ну, Ватсон, не врете, – Холмс покачал головой. – Вы же весь дрожите от радости, что я заглянул за вами. И эта радость оправданна! Дело принимает неожиданный оборот.

– Я не от радости дрожу, а от холода, – заметил я, озираясь в поисках рубашки. – Жутко холодно сегодня.

– Это потому, что окно открыто.

– А почему...

– Потому что я через него влез. Не хотелось будить ваших домашних. Ни слова больше, доктор, поспешим!

Я покорно вылез за Холмсом в окно и уселся в поджидающий нас кэб. Там уже сидели трое, в ком я с удивлением узнал Лестрейда и двух полицейских в штатском.

– Привет, Ватсон! – заорал на всю улицу Лестрейд. – Дело крайне секретное и опасное. Обещайте хранить тайну о том, что услышите!

Из окон начали высовываться проснувшиеся обыватели, но, к счастью, возница тронул, и мы двинулись в путь.

– Обещаю, обещаю, – покорно сказал я.

– Так-то, – сразу успокоился Лестрейд. – А то знаю я вас, писателей. Пишете обо всем, что на глаза попадет. Людей хороших обижаете, тайны государственные выдаете... У вас ведь такая добрая профессия, Ватсон! Вы доктор! Вы должны лечить людей! Это ваше призвание!

– Хотите, вас полечу? – поинтересовался я. – Вы явно простужены.

– Ну уж нет, – Лестрейд покачал головой. – Если врач писать начал... Нет ему больше веры.

Оскорбленный в лучших чувствах, я громко спросил Холмса:

– Шерлок, а зачем вы пригласили Лестрейда? Неужели дело столь опасно?

– Вы ошибаетесь, доктор, – грустно сказал Холмс. – Это Лестрейд пригласил меня и, по моей просьбе, вас. Скотленд-Ярд заинтересовался загадочной тройцей одновременно с нами.

Кэб громыхал по каким-то узким и темным переулкам, а я напряженно обдумывал услышанное. Ничего не надумав, спросил:

– А с каких это пор полицию стали интересовать пропавшие дети, Лестрейд?

– Какие дети? – удивился Лестрейд. – Речь идет о подрыве британской экономики! И, вероятно, о шпионаже!

Вот что рассказал мне Лестрейд...

Два дня назад на рынок золота стали поступать необычные слитки. Мало того, что они имели форму куриного яйца и состояли из металла высочайшей пробы. Неизвестные продавали золото по смехотворно низким ценам. Рынок, столь чуткий к малейшим неожиданностям, тут же пришел в движение. Заколебались курсы ценных бумаг, в Сити началась легкая паника. По личному распоряжению министра финансов было начато расследование. И выяснилось, что слитки продает странная тройца: человек, выдающий себя за генерала британской армии, молодой шотландец и здоровенный негр.

– Это иностранная диверсия! – брызгая слюной, хрипел Лестрейд. – Ди-вер-си-я! Мамой клянусь, тут замешана Америка, Германия либо Россия!

– А может быть, Африка? – предположил я. Лестрейд подумал.

– Возможно. Все возможно. Наш долг – спасти Англию от ужасов экономической паники, а честных людей – от разорения. Этот лжегенерал и его сообщники угодят за решетку!

– Вы думаете, что он не генерал? – рискнул я поинтересоваться. Лестрейд захохотал:

– Конечно! Мы связались с министерством обороны, с колониальным управлением, с военно-морским флотом Ее Величества. Нет такого генерала!

– Какая наглость, – с чувством произнес я.

Дальше мы ехали молча. Утренний туман застилал улицы, стучали на камнях колеса кэба, Холмс задумчиво курил, а Лестрейд вполголоса повторял: «Нет такого генерала. Нет!»

О Англия! О любимая родина! Как отступают перед лицом истинной опасности, внешней угрозы все личные разногласия! Как сплачиваемся мы, англичане. И никогда над Британской империей не зайдет солнце, пока каждый из нас готов отставить прочь личную выгоду и временно заняться спасением Отечества.

– Приехали! – просипел Лестрейд. – Они еще спят, я думаю. Возьмем негодяев тепленькими...

Мы выбрались из кэба возле маленькой унылой гостиницы с невыразительной вывеской, на которой значилось: «Бодливый бык». Разбуженный портье, едва увидев значок Лестрейда и дубинки полицейских, тут же согласился помочь нам в спасении Отечества. Поднявшись на второй этаж по скрипучей деревянной лестнице, мы остановились перед дверью с номером восемь.

– Тут, – шепнул портье и поспешил удалиться. Мы его не задерживали. Дело было слишком опасным, чтобы брать с собой безоружного человека.

Холмс приник ухом к двери и тут же сделал нам знак: «Тише!» Мы замерли. И услышали доносившиеся из-за двери голоса:

– Я все равно молчать не буду! Продешевили!

– Шотландец! – шепнул Холмс.

– Откуда мне было знать цены на золото? – возразил за дверью другой человек, в котором я опознал Кубату. – Точнее, я знал. Я тщательнейшим образом проштудировал справочники, но реальность...

– Сами признаются, диверсанты! – завопил Лестрейд, сообразивший, о чем идет речь. – Ломайте дверь, джентльмены!

Мы дружно налегли на дверь, и та, конечно же, не выдержала. Вместе с обломками досок мы влетели в скудно обставленный гостиничный номер. Первым, кого мы увидели, был негр Иванду, который сидел на кровати и водил точильным камнем по своему дикарскому кинжалу.

За столом сидел Мак-Смоллет, по инерции продолжавший оживленно жестикулировать. Он был в одной юбке, и его тощая волосатая грудь произвела на меня незабываемое впечатление. Лжегенерал Кубату, в теплых кальсонах и при сабле, расхаживал по комнате. Наше появление застало их врасплох.

– Джентльмены, – сипло рявкнул Лестрейд. – Именем Ее Величества вы арестованы!

Полицейские многозначительно положили руки на дубинки. Я за неимением оружия принял боксерскую стойку. Один Холмс стоял задумчивый и отрешенный от окружающего.

– Почему это арестованы, позвольте спросить? – вскрикнул Мак-Смоллет, поднимаясь из-за стола. – А, Холмс! Спасите нас от произвола!

– Вы арестованы за подрыв британской экономики, контрабанду, мошенничество, подлог документов и, предположительно, похищение детей! – радостно сообщил Лестрейд.

Отстранив Мак-Смоллета, вперед вышел Кубату. Подтянул кальсоны, улыбнулся мне, дружески протянул Холмсу руку, ничуть не смутился, что тот ее не пожал, и произнес:

– Господа! Прежде чем произойдет то, что, увы, произойдет, позвольте сказать несколько слов.

Покосившись на его саблю и кинжал негра, Лестрейд кивнул.

– Во-первых, подрыва экономики не было. Дешевое золото могло пойти Британии только на пользу. Во-вторых, границ мы не пересекали, так что о контрабанде речь тоже не идет. В-третьих, мы те, за кого себя выдаем...

– Вы не генерал!

– Генерал. Правда, не английской армии, но...

– Шпионы! – Лестрейд радостно посмотрел на Холмса. – Я был прав! Как тебя зовут на самом деле? Джон? Фриц?

– В-четвертых, что самое главное, – продолжал генерал-шпион, – мы прибыли к вам частным образом, надеясь на помощь мистера Холмса, гениального детектива, в спасении детей...

Не стоило Кубату называть Холмса гением при Лестрейде! Ох не стоило!

– Взять их, ребятки! – завопил сыщик и бросился на Мак-Смоллета, справедливо определив его как самого безопасного противника.

И тут – началось!.. Я вместе с одним из полицейских попробовал задержать негра, чей кинжал внушал нам резонное опасение. Однако негр к оружию не прибег. С криком «Размахнись рука!» он отвесил вначале полицейскому, а потом и мне по чудовищной затрещине. Отлетая в угол, я успел еще заметить, как Кубату саблей выбил дубинку у второго «бобби»... А Холмс невозмутимо раскуривал трубку. Потом милосердный обморок скрыл от меня развязку побоища...

Часть первая Королевский пингвин

Глава первая, *в которой я дважды падаю в обморок, Шерлок Холмс что-то понимает, и начинаются самые фантастические поиски в истории человечества (Рассказ продолжает доктор Ватсон)*

– Ватсон, милый, очнитесь... – тормошил меня Холмс. Я открыл глаза и спросил:

– Мы победили?

– Ну что вы как маленький – победили, проиграли, – недовольно ответил Холмс. – Ничья.

Ничья заключалась в том, что полицейские со стенаниями потирали ушибы и шишки, Лестрейд сидел в кресле и улыбающийся Мак-Смоллет прикладывал к его лбу холодный компресс. Иванду вновь точил кинжал. У Кубату и Холмса под глазами появились симметричные синяки.

– Вы неплохо знаете джиу-джитсу, – сообщил Холмс Кубату, приведя меня в чувство.

– Работа такая, – скромно ответил лжегенерал.

– Все равно я вас арестую, – со слезами в голосе простонал Лестрейд. – Все равно! Возьму подмогу и арестую... Ой, моя голова...

– Голова – кость, что с ней сделается, – утешительно сказал ему Мак-Смоллет. – Вот я сколько раз головой бился – никаких изменений в самочувствии не наблюдалось!

– Выслушайте меня, джентльмены, – вновь предложил Кубату. – А потом... потом делайте так, как подскажет вам совесть.

– Говорите, – предложил Холмс.

– Начнем с того, что я солгал. Но лишь потому, что правда чудовищнее и удивительнее лжи. Дело в том, что мы трое родились в две тысячи пятисотом году от Рождества Христова. Ну, приблизительно.

– Хе-хе, – сказал Лестрейд. А я подумал, что страх перед арестом замечательно стимулирует человеческую фантазию.

– Выслушайте меня, а потом делайте выводы, – поморщившись, предложил Кубату. И вот что он рассказал...

По словам генерала-шпиона, через шестьсот лет вся наша Земля объединилась в единое государство. Кубату был генералом всепланетной армии, которая защищала Землю от злых венерианцев. Мак-Смоллет и Иванду являлись его подчиненными. Но и в двадцать пятом веке встречались злодеи! Один из них, гениальный, но преступный ум, похитил двух ребятишек и спрятал их самым тщательным образом, причем, как подозревал Кубату, – в прошлом. Веке так в двадцатом или в двадцать втором... Не в силах найти детей сами, Кубату и его друзья решили обратиться к лучшему сыщику всех времен и народов – Шерлоку Холмсу. С помощью чудесной машины, позволяющей передвигаться во времени, они прибыли в Лондон начала двадцатого века. Но поскольку боялись, что Холмс им не поверит, придумали затейливую историю об индийском маге и археологе с двумя детьми...

Мое писательское самолюбие было несколько задето фантазией Кубату. Я, конечно, отдавал должное новомодным сочинениям вроде недавно вышедшей «Машины времени» молодого писателя Герберта Уэллса. Но построить на этой забавной гипотезе такую чудовищную ложь... Иронически улыбнувшись, я покачал головой. Лестрейд стонущим голосом хихикнул и жестом

попросил Мак-Смоллета сменить ему повязку. Лишь Холмс сохранял серьезный вид. О, мой гениальный друг умел притворяться!

– И чем же вы можете доказать столь удивительную историю? – поинтересовался он. – Не сомневаюсь, что, если вы убедите нас в своей искренности, добрейший инспектор Лестрейд отпустит вас в двадцать пятый век... ну и меня с Ватсоном туда же, помогать вашим розыскам.

– В двадцать пятый век? Отпущу, отпущу, – просипел Лестрейд. – Докажите только... шпионы!

– Докажем, – не выказывая растерянности, заявил Кубату. – Сейчас, только штаны натяну...

Через минуту троица была уже одета. Лестрейд зорко поглядывал на нее, побитые полицейские насторожились, да и мне закралась в голову мысль: может, вся ложь имела единственной целью расслабить нас?

– Итак, – профессорским голосом сказал Кубату, – наша машина времени осталась в двадцать пятом веке. Чтобы вернуться туда, мы все должны зайти в этот шкаф...

– Куда-куда? – заволновался Лестрейд. Подскочил к огромному платяному шкафу, открыл дверки. Шкаф оказался совершенно пуст, лишь на полке лежала пара грязных носков, которые Мак-Смоллет поспешил стыдливо спрятать в карман юбки. Лестрейд на всякий случай заглянул под шкаф, подвигал его, убеждаясь, что никакого потайного хода нет, и картинно взмахнул рукой:

– Прошу!

Кубату держался великолепно. Ни единым жестом он не дал понять, что его игра проиграна. Галантно уступил Холмсу право первым войти в шкаф, потом предложил мне последовать примеру друга.

Я решил продолжать игру до конца и зашел в шкаф. Следом втиснулись Кубату, Мак-Смоллет и Иванду. Честно говоря, в шкафу, хоть тот и отличался большими размерами, стало тесновато. Кубату торжественно прикрыл дверцу, и наступила тишина.

– Что теперь? – спросил Холмс. – Вам надо дернуть за рычаг или произнести заклинание?

– Зачем же? – гордо спросил Кубату. – Мы уже приехали. Открывай дверцу, Смол... Мак-Смоллет!

– Не могу, руки заняты, – сдавленно ответил Мак-Смоллет. – Я Иванду держу.

– Герой, – согласился Кубату и толкнул дверцу – судя по звуку, ногой.

Я первым выглянул из шкафа, готовясь иронически улыбнуться Лестрейду. Но Лестрейда снаружи не было. Не было и полицейских.

Честно говоря, даже гостиницы «Бодливый бык» снаружи не было. Глазам моим предстал огромный зал, уставленный длинными рядами книжных шкафов. Я оглянулся, проверяя, рядом ли Холмс, и плавно опустил ему на руки.

– Что-то вы стали частенько падать в обморок, – с сочувствием сказал Холмс, обмахивая меня какой-то книжкой.

– Последствия афганского ранения, – нашелся я. – Где мы?

Холмс вздохнул:

– Как ни трудно мне это признать – но, видимо, в двадцать пятом веке. Оглянитесь, Ватсон.

Я встал и последовал его совету. Помещение, где мы оказались, было, судя по всему, большой библиотекой. При виде множества книжных шкафов я испытал некоторую радость – потомки наши были образованными и светскими людьми. За спиной у меня стоял здоровенный шкаф, из которого мы, судя по всему, и вылезли. Шкаф оказался слегка поломан: он стоял на трех ножках, вместо четвертой была небрежно подложена толстая книга. Я поморщился. Все-таки истинная культура до двадцать пятого века не дожила.

Библиотека располагалась в большом сводчатом зале, напомнившим мне средневековые замки. В окнах виднелся чудесный сельский пейзаж – ивы, березки... пальмы, бамбуковая рощица. Я потер глаза, но смещение растительности осталось.

– Где мы? – спросил я.

– В Африке, – отозвался подошедший Кубату. – Африка, двадцать пятый век. Вам нравится?

– Ничего, – вынужден был признать я. – Удивительно. Вы не лгали... Простите мои сомнения, сэр.

Кубату расцвел в улыбке.

– А по воздуху вы летаете? – Мое любопытство не давало мне покоя.

– Еще как!

– А электричество нашло самое широкое применение в быту?

– Широчайшее! Правда, здесь, на острове Мадагаскар, оно не в чести. Здесь сохраняется патриархальный, я бы даже сказал, отсталый образ жизни. Зато тут в ходу магия.

– Я был прав, – оживился Холмс. – Развитие науки не мешает развитию спиритизма!

– Иногда даже способствует, – с неожиданно кислым видом согласился Кубату. – Что ж, господа, перекусим – и за работу?

Мы кивнули и прошли следом за Кубату в еще более роскошный, хотя и мрачноватый зал. Там уже суетились Мак-Смоллет и Иванду, сервируя необъятных размеров стол. Меню отличалось некоторой странностью: нам подали соленое свиное сало и соленые же огурцы, свежее молоко и спелые бананы, вареное мясо с горохом. Я не сразу рискнул приступить к такому взрывоопасному обеду, но Холмс шепнул мне: «Ватсон, мы в гостях у потомков, соблюдайте их обычаи!»

И мы соблюдали.

После обеда, когда Иванду подал десерт – зеленые бананы, манго и восхитительную настойку на кокосовом молоке, – мы закурили трубки и вернулись в библиотеку для беседы.

– Я понимаю, – расхаживая вдоль книжных шкафов, заявил Кубату, – как вам хочется узнать о мире двадцать пятого века, о чудесных переменах в науке и культуре, обществе и искусстве. Увы, пока я не могу многое вам рассказать. Замечу лишь, что все народы Земли ныне слились в единое государство, культура невиданно расцвела, а преступления очень редки. Поэтому мы и были вынуждены потревожить вас, Холмс, и вашего неизменного помощника – доктора Ватсона. Да. А электричество, Ватсон, нашло у нас самое широкое применение!

– И зачем же мы понадобились? – поинтересовался Холмс. – Как я понимаю, сказку о пропавших детях можно отложить в сторону. Речь идет о чем-то неизмеримо более важном...

Кубату всплеснул руками:

– Что вы, что вы! Речь именно о детях! И я почти не лгал вам: двух мальчиков, чьи родители – археологи, похитил жуткий злодей, маг и волшебник, обитавший прежде в этом замке!

Холмс сконфуженно потер переносицу.

– Да, и моя дедукция дает сбой... Но как я могу вам помочь, ведь я не знаю вашего мира, языка, обычаев...

Кубату вздохнул:

– Холмс, весь ужас в том, что дети спрятаны не в настоящем мире!

– А какие еще бывают? – жадно поинтересовался я.

– Вам ли не знать, Ватсон! Вы же писатель!

– Ну...

– Что вы делаете каждый вечер?

– Мою ноги перед сном, – признался я. Беседа с Кубату чем-то напоминала мне разговоры с Холмсом.

– Я не о том! Что вы делаете дальше?

Я почувствовал, что краснею, но спорить с потомком не решился.

– Ну... снимаю верхнюю одежду, надеваю кальсоны... По пятницам и средам... вам обязательно надо это знать?

– Да нет же, по каким дням вы спите с женой, мне неинтересно. Хотя советую сменить пятницу на субботу, равномернее... Но интересует меня другое: когда вы пишете?

– По утрам! – обрадовался я безопасной теме.

– Вот! По утрам вы творите. Создаете Вымышленные миры.

– Никакие не вымышленные, – обиделся я. – Правда и только правда.

– А если бы чуть-чуть присочинили? Написали бы книжку, где Шерлок Холмс – добродушный толстяк, разводящий орхидеи и разгадывающий преступления не выходя из дома?

– Заманчивый образ... – вздохнул Шерлок.

– Ну, это был бы вымышленный Холмс.

– Вот именно! Вы создали бы Вымышленный мир!

– Но ведь только на бумаге!

– Все, что создает человеческий разум, существует в реальности! – важно заявил Кубату. – Едва писатель откладывает перо, как созданный им мир начинает жить сам по себе!

– Кошмар, – признался я. – Любая книжка так оживает?

– Да!

– И романчики ужасов, и непристойные французские сочинения?

– Да! Конечно, если книжка тупа и бездарна, то мир ее зачахнет, захиреет и станет нежизнеспособным.

– Простите, что перебиваю вашу интересную дискуссию, – произнес Холмс, – но позвольте узнать, в какой Вымышленный мир злой чародей спрятал детишек?

– Вот это вы и должны выяснить, – торжественно заявил Кубату.

– Где свершилось преступление?

– Здесь, – Кубату обвел руками море книг.

– Да, – только и произнес я. Вокруг было не менее десятка тысяч томов. Все лучшее, что создал человеческий гений за два с половиной тысячелетия, собралось, вероятно, в этой библиотеке. Сколько их, оказывается, было – гениев!.. Но Бог мой, каким же образом Холмс найдет нужную книжку?

– Позвольте узнать, – ничуть не смутившись, спросил Холмс, – как происходит сам процесс путешествия в Вымышленный мир? Вероятно, действует чудесная и сложная машина?

– Работающая с помощью электричества! – добавил я.

Мак-Смоллет неожиданно хихикнул, но под строгим взглядом Кубату тут же принял серьезный вид.

– Увы, – признался Кубату. – Техника наша, даже с помощью электричества, не способна на такое. В Вымышленные миры можно проникнуть лишь с помощью магии. Этот самый злой колдун, в чьем замке мы находимся, скрылся в неизвестном направлении, но перед этим соорудил... э... э... Магический шкаф!

И Кубату торжественно указал на тот самый шкаф, из которого мы недавно вылезли!

– Забавно, – ледяным голосом сказал Холмс.

Кубату нервно заулыбался:

– Ваша обида естественна, но ошибочна, дорогой Шерлок! Шкаф, как видите, слегка поломан – у него не хватает одной ножки. Если вместо нее подставить книгу – то можно зайти в шкаф и выйти в том мире, который описан в книге. Соответственно, войдя в том мире в любой шкаф, вы сможете вернуться обратно. Но, Холмс! Если подложить вместо художественной книжки реалистическое сочинение, как, например, рассказы доктора Ватсона о вас, – то шкаф будет работать вместо обыкновенной машины времени!

– Так это *моя* книга? – вскричал я, поспешно выхватывая из-под шкафа несчастный томик. Да, это была моя книжка, содержащая не меньше трех десятков рассказов о моем гениальном друге. Я бережно погладил переплет и открыл томик. Так... статья об авторе... Мне бросились в глаза слова: «Вспомним: спутнику главного героя романа большой дороги положено оттенять его качества...» Да, верная мысль! Что там дальше?.. «...и доктор Ватсон исправно выполняет эту задачу». Хм. Несколько грубовато... я ведь все же автор! Перелистнув страницу, я наткнулся и на такую хамоватую фразу: «Правда, доктору Ватсону однажды довелось выслушать от своего друга слова одобрения». Ничего себе! Холмс меня часто хвалит! Но прочитать хоть чуть больше я не успел. Кубату выхватил книгу у меня из рук и укоризненно покачал головой:

– Что вы делаете, доктор! Некорректно читать чужие книги без разрешения!

– Это моя книга! – взорвался я. Но Кубату продолжал качать головой, а потом шепотом спросил:

– Вы что, хотите узнать из библиографической справки о том, в каком году умерли? Или как сложилась ваша семейная жизнь? Или когда умер уважаемый Холмс?

– Упаси Господь! – воскликнул я. – Этого ведь уже не изменишь?

– Никоим образом, – вздохнул Кубату. – Вы не беспокойтесь, вам еще немало осталось, каждому бы такое долголетие... Но зачем с ужасом ждать рокового дня?

– Все-все. – Я понял причину поспешности Кубату и перестал тянуться к книжке.

– Да, путешествия во времени таят в себе удивительные и страшные тайны, – промолвил Холмс. – Путешествия во времени... Да... Расскажите мне немного об этой зловещей фигуре, этом Мориарти двадцать пятого века, этом маге и чарошее.

– Для дела? – поинтересовался Кубату.

– Конечно!

– Иванду, расскажи-ка ты! – предложил Кубату негру. И пояснил: – Он с этим злодеем давно воюет. Иванду, если честно, здесь вроде полицейского...

Негр почесал затылок, встал, откашлялся, вытащил и спрятал кинжал, затем произнес:

– Злодей наш – фигура страшная, просто сказочная. Ростом средний, пухленький, выглядит молодо, хотя лет ему – ой как много! Шутник, приколыщик, но шуточки у него все злые, под стать натуре.

– Черный юмор, одним словом! – весело воскликнул Мак-Смоллет, но под тяжелым взглядом негра поспешно зажал рот руками.

– Злой юмор, – мрачно сказал Иванду. – Аккуратист он еще, педант. Бананы не любит. Людоедствует помаленьку. В науке толк знает. К женскому полу прохладен, к мужскому агрессивен, боя... писателей терпеть не может.

– Это еще почему? – возмутился я.

– Сам когда-то бумагу мараить пробовал, да как увидел, что плохо получается, в науку подался. В душе лентяй, но скрывает сие тщательно. Университет закончил, магией занялся... ну и натворил делов.

– Думаю, информации хватает, – улыбнувшись сказал Холмс. – Вполне хватает.

– Да? – задумался Кубату.

Холмс, не обращая на него внимания, прошелся вдоль книжных шкафов, вынимая и разглядывая некоторые книги. Осмотрел Магический шкаф. Закурил трубку, подумал и произнес:

– Итак, у нас есть около двадцати книг, в которых могут быть спрятаны дети.

– Так много? – страдальчески спросил Кубату.

– Минуту назад у вас был выбор из нескольких тысяч томов, – резонно заметил Холмс.

– Тогда не будем тянуть, – со вздохом сказал Кубату. – Иванду! Надень штаны и рубашку! Мак-Смоллет! То же самое!

– Может, не надо? Я в юбке меньше потею.

– Как хочешь, конечно, но за последствия будешь отвечать сам, – весело ответил Кубату и потер руки. – Наконец-то! Начинаем!

Пока Иванду переодевался, а Мак-Смоллет задумчиво оправлял юбку, Холмс достал из ближайшего шкафа какую-то книжку и показал ее Кубату. Тот замахал руками:

– Нет, нет и нет! Я не хочу знать, куда мы попадем!

– Почему? – поразился Холмс.

– Мне это не нужно, – гордо ответил Кубату. – Я большой знаток литературы, для меня будет удовольствием узнать книжку по первым же страницам... то есть минутам.

– Как угодно. – Шерлок подложил книжку под шкаф, толкнул его (шкаф стоял прочно) и удовлетворенно улыбнулся.

– Вперед! – Кубату бросился в шкаф и гордо выкрикнул из его недр: – Я никогда за чужой спиной не прячусь, первым в бой иду!

Мы последовали за отважным генералом.

В шкафу было тихо и довольно-таки уютно. Пыхтел Мак-Смоллет, позвякивал саблей Кубату, терпко пах Иванду. Я прижал губы к самому уху Холмса и шепнул:

– Честно говоря, до сих пор не могу поверить в происходящее. Машина времени – еще куда ни шло... Но ожившие книги?

– Вам стало стыдно, Ватсон? – проницательно спросил Холмс. – Что ж... У каждого врача есть свое кладбище, а у каждого писателя, как видите, наоборот.

– Что «наоборот»? – возмутился я.

– Ожившие персонажи. – Холмс хихикнул.

– Приехали, думаю, – подал голос Мак-Смоллет. – Начальник, выметаемся?

– Я первый! – храбро сказал Кубату и начал путешествие по шкафу, пробираясь к выходу. Увы, было слишком тесно, и поскольку он зашел первым, то честь выйти навстречу опасностям выпала Иванду. Точнее, выпал он сам.

...Да, Кубату не врал. Мы действительно оказались в ином мире!

Спустившись по шаткой деревянной лесенке, мы увидели уютный дворик, окруженный двух-трехэтажными домами. Посреди двора стояло странное дощатое сооружение, откуда мы и выбрались. Его дверца поскрипывала, шатаясь на петлях и позволяя рассмотреть кучи птичьего помета на полу будочки.

– Курятник? – предположил Мак-Смоллет. – Помню, однажды...

Холмс взял на палец немного помета, растер, рассмотрел и удовлетворенно кивнул:

– Голуби. Это голубятня.

– Что ж, мир достаточно спокойный, – зорко глядя по сторонам, заметил Кубату. – Если дети здесь, то им по крайней мере ничего не угрожает...

Вслед за Кубату и Мак-Смоллетом мы двинулись по двору. Замыкал шествие Иванду с обнаженным кинжалом в руках. Двор был тихий и безлюдный, заросший какими-то желтыми цветочками и в изобилии усыпанный конфетными фантиками.

– Надо найти аборигена, – рассуждал вслух Кубату. – Узнать новости... Холмс, теперь вы нам верите?

– Разумеется, – извлекая трубку, сказал Холмс. – На кокаиновое опьянение происходящее не похоже. Я горжусь не только своим трезвым умом, но и вниманием к тайнам Востока и достижениям спиритизма.

– Молодец! – решительно одобрил Холмса Кубату. – Во! Аборигены!

Мы как раз вышли из дворика и остановились на широкой безлюдной улице, вымощенной крупным булыжником. Невдалеке виднелось здание цирка, возле которого толпилась кучка народа.

– Интересно-интересно, – бормотал Холмс, едва не проглатывая от волнения трубку. – Однако, Ватсон, это очень развитая страна! Или же в книге описан мир будущего.

– Почему?

– Видите – у цирка электрические фонари.

– Восхитительно! Какой чудесный, яркий свет они должны давать ночами! – воскликнул я. – Как сияет весь этот город! Интересно, как он называется?

– Сейчас узнаем, – зловеще прошептал Кубату, высываясь из подворотни. По улице как раз пробежал мальчик лет одиннадцати, одетый только в сандалии и красные ситцевые трусики.

– Малец! – зазывно позвал Кубату.

– Чего? – откликнулся малец.

– Хочешь конфетку?

– Ищи дурака! – фыркнул невоспитанный ребенок. Но тут же заколебался. – А конфета какая? Шоколадная?

– Ага! – гордо сказал Кубату и похлопал Мак-Смоллета по плечу: – Конфету, майор!

Мак-Смоллет вздохнул и извлек из кармана юбки конфету в яркой обертке. Мальчик с сочувствием оглядел шотландца, потом взял у него конфету и спросил:

– Чего надо-то?

– Мальчик, – начал Кубату, – а не видел ли ты здесь двух ребятшек, твоих ровесников? Одного зовут Стас, а другого – Костя. Мы их ищем.

– Еще конфеты есть? – по-деловому подошел к вопросу мальчик. Кубату требовательно посмотрел на Мак-Смоллета. Тот виновато улыбнулся.

– Нет, – упавшим голосом сказал генерал.

– Значит, не видел, – пожал плечами мальчик и убежал, на ходу разворачивая конфету.

– Мои познания в литературе дают осечку, – хмуро признался Кубату. – Я не узнаю этой местности. А что можете сказать вы, Холмс?

– Мы находимся в городе на берегу реки в день большого праздника. Сейчас июнь, население города чем-то обеспокоено, но старается не подавать виду.

– Поразительно! – воскликнул Мак-Смоллет, украдкой извлекая из кармана конфету и засовывая ее в рот. Да, воинская дисциплина в будущем хромала. – Почему река, почему праздник, почему июнь?

– Пахнет водой – но не соленой, вдоль улицы развешаны флаги и транспаранты, у цирка цветут кусты желтой акации, которая зацветает в июне, – лаконично объяснил Холмс. – Предлагаю прогуляться по городу, ознакомиться с обстановкой и продолжить поиск похищенных детей.

– Согласен, – кивнул Кубату.

Около часа мы гуляли по набережной, с любопытством разглядывая развешанные повсюду плакаты и лозунги. Смысл их по большей части был непонятен. Вот, например: «Пятидневке – ура!» Или: «Перейдем реку досрочно и вброд!» А самый частый и странный лозунг гласил: «Проискам нэцкистов – решительное фу!»

– Что такое нэцки? – спросил Мак-Смоллет.

Кубату покрутил ус и ответил:

– Нэцке?.. Куколки такие маленькие, восточные.

По улицам сновали люди – в большинстве своем мальчишки разного возраста. Девочек и взрослых практически не было, а изредка встречавшиеся выглядели крайне смущенными, как бы чувствуя свою неуместность. Потом мы услышали гул моторов, и по улице медленно проехало пять черных мотоциклов. Механизмы эти выглядели великолепно, и я уверился, что это и впрямь фантастический мир. Молодые парни в белых рубашках и шортах, сидевшие на мотоциклетах, проводили нас внимательными взглядами.

– Ох, что-то готовится, – тоскливо сказал Иванду. – Чую!

Инстинкты негра не подвели. Над городом вдруг прокатился колокольный звон, и люди засуетились, торопливо двигаясь в одном направлении. Нас подхватило толпой и понесло. Взрослых стало больше, они выскакивали из домов и присоединялись к потоку, опасливо озираясь по сторонам. Из переулков выезжали рычащие мотоциклы, образовавшие сплошное кольцо вокруг толпы.

– Куда нас ведут? А? – запаниковал Мак-Смоллет. – Чего-то мне это не нравится...

Кубату молчал. Он казался растерянным. Холмс зорко оглядывался по сторонам. Я начал припоминать порядок первой помощи при травмах, потому что толпа густела и несколько человек уже едва не упали под ноги идущих. Мы медленно приближались к мосту, перекинутому через реку.

– Привет, туристы!

Мы оглянулись. Людским водоворотом к нам прибило того самого проворного юнца, что польстился на шоколадные конфеты.

– Что происходит? – взял быка за рога Мак-Смоллет.

– Праздник Перехода Реки, – пожал плечами мальчик. – Ну вы и темные...

Иванду, явно болезненно воспринимающий цвет своей кожи, помрачнел. А Мак-Смоллет истерически воскликнул:

– Ты нам зубы не заговаривай! Что за праздник? А то вмиг уши надеру!

Толпа двигалась тихо, и слова Мак-Смоллета услышали все. От нас шарахнулись как от прокаженных. Мальчик удивленно приподнял брови. А со всех сторон уже протискивались парни в белых рубашках и шортах, побросавшие свои чудесные мотоциклы. С некоторым удивлением я понял, что нас подхватывают под руки и волокут.

– Еще порядочными притворялись, впятером шли! – выкрикнул тощий прыщавый юнец, глядя, как нас утаскивают. – Я сразу понял – провокаторы! Да здравствуют Ветерки!

– Ура! – нестройно ответила толпа.

– Что вы себе позволяете? – возмутился Кубату. – В чем дело?

– Как в чем? – Темноволосый желтоглазый парень, явно предводитель мотоциклетчиков, ехидно прищурился. – Вы грозили избить невинного ребенка!

– Не избить, а уши надрать! – возмутился Мак-Смоллет. – И это ведь просто фигура речи! Слова!

Парень помрачнел:

– А слова – это, по-вашему, не обидно? Мальчик, тебе было очень горько?

Выбравшийся из толпы вместе с нами мальчик пожал тощими плечами:

– Ну... Не так чтобы очень... Умеренно.

– Умеренно – но больно! Эх...

– Что делать-то будем? – осведомился у предводителя рыжий, интеллигентного вида юноша. – Сделаем внушение и отпустим?

– Внушениями тут не отделаться, – предводитель махнул рукой. – К Яру их!

Нас повели вдоль берега, к маленькой трибуне, возвышавшейся у моста. Оханье и писк толпы стали тише. Многие падали в воду, но не выбирались на берег, а с радостными возгласами форсировали реку.

– Яр... Яр... – бормотал Кубату. – Я знаю это имя! Я читал! Я вспомню...

– Быстрее вспоминай, – нервно ответил Мак-Смоллет. – В расход пустят, падлы! Ох и зачем я на это подписался...

Трибуна была обсажена молодыми тополями и выглядела очень уютно. В простом деревянном кресле сидел пожилой мужчина, потягивавший что-то из пузатой бутылки с надписью «Верона» и с довольным видом поглядывавший на переправу в бинокль.

– Подозрительных типчиков привели, – сплюнув, сказал предводитель мотоциклетчиков. – Мальчика обидели, ведут себя странно.

– Юра, не кипятись, – осадил его пожилой. – А вдруг люди издалека? Надо разобраться.

– Как знаешь, пап. – Парень облокотился на перила трибуны и с показным безразличием уставился на реку. В этот момент Кубату гулко хлопнул себя по лбу и заорал:

– Ярослав Игоревич? Родин? Скадермен? Очень приятно познакомиться!

Старик расплескал свой напиток и подозрительно уставился на генерала:

– Откуда вы меня знаете?

– Да кто ж вас не знает! – веселился Кубату. – Рад, очень рад встрече!..

Все разинув рты глазели на нас. Старик размышлял. Потом спросил:

– Если можно, один вопрос. Напоследок... Земля, город Нейск, магазин мужской одежды. Это не вы стояли в витрине, одетый в костюм аквалангиста?

– Н-нет, нет, н-не я, – неожиданно начал заикаться Кубату.

– А похожи... Бей их, ребята!

В ужасном положении, в которое мы попали, бить нас было нетрудно. Сплошное кольцо народа вокруг, да еще наша растерянность... К счастью, мотоциклетчики повели себя очень странным образом. Они разбежались вокруг широким кольцом (лишь Юра грудью прикрыл старика) и принялись кидать в нас маленькими мячиками, слаженно выхватывая их из карманов. Точность попаданий была замечательной, но ввиду легкости оружия серьезного ущерба мы не понесли.

– Ходу! – взвизгнул Мак-Смоллет, и мы помчались. Ох как мы мчались! Впереди неся Иванду, раскидывая нападавших, за ним мы с Холмсом, а Кубату и Мак-Смоллет прикрывали отход.

– Яшка, особыми – огонь! – кричал за спиной Юра. Через секунду Мак-Смоллет взвизгнул.

– Что случилось? – поинтересовался на бегу Холмс.

– Падлой буду, они в шарики свинец залили!

– Значит, бежим быстрее, – рассудил Шерлок.

Погоня отстала – молодежь принялась взнуздывать свои мотоциклы.

– Узнали книгу? – полюбопытствовал у Кубату Холмс.

– Узнал. Знаменитый русский детский роман.

– Детский? – Холмс не скрывал своего удивления. Да и я поразился. Ох уж эти загадочные русские души!

– Да, но это не сам роман. То, что мы видим, происходит лет через десять после описанных в нем событий... Интересно. Вымышленные миры порой развиваются в непредсказуемых направлениях...

– Вынужден вас огорчить, – Холмс казался смущенным, – в этой книге пропавших детей нет.

– Огорчить? Да вы меня обрадовали! Но почему нет?

Холмс загадочно улыбнулся и твердо сказал:

– Нет. Гарантирую.

– Тогда бежим... Где бы нам обнаружить шкаф приличных размеров? А!

Вслед за Кубату мы вошли в дом, над дверью которого красовалась вывеска: «Таверна «Пустой город». Вопреки названию она оказалась не пуста, а, напротив, – полна мокрых, веселых, довольных людей, попивающих за столиками вино. Видимо, грелись после переправы.

– Шеф, давай задержимся? – оживился Мак-Смоллет.

– Забыл, как свинец под ребра бьет? – каменным голосом ответил Кубату, решительной поступью направляясь в дальний угол таверны. Там сквозь табачный дым проступал солидный платяной шкаф.

Посетители поглядывали на нас, но ни о чем не спрашивали. Возле шкафа мы выстроились в небольшую очередь. Кубату открыл шкаф, вытащил оттуда гору одежды самых разных фасонов, сложил на пол. Сурово сказал:

– Первыми уходят Холмс и Ватсон. Мы с Иванду прикрываем.

Под удивленные возгласы посетителей мы втиснулись в шкаф. Возгласы стихли. Добросовестно посидев в шкафу с полминуты, Кубату распахнул дверцу. Признаюсь, мне было страшновато – а ну как чудесное изобретение не сработает и мы вновь окажемся перед разгневанными мотоциклетчиками?! Но все было в порядке. Книжные полки, пальмы и березки за окном...

Холмс бережно вынул из-под закачавшегося шкафа книгу, положил ее на стол, стал отбирать новые тома. Спросил у Кубату:

– Отдохнем или как?

– Отдохнем, – решил генерал. – Чайку попьем, бананов покушаем. Такое приключение надо зажевать... Шерлок, а почему вы решили, что в этой книге нет наших детей?

– Элементарно, Кубату. – Холмс присел на стопку книг и знакомым мне тоном произнес: – Как я понял, маг ваш – фигура весьма зловещая. Раз уж он решил учинить детям пакость, то в детскую книгу их никогда не пошлет. Выберет что-нибудь другое...

– Вот паразит! Морда бессмертная! – возмутился Иванду. – Что учинил!

– Если нам в детской книге так бока намяли, – потер ушибленную поясницу Мак-Смоллет, – то что же во взрослой маячит?

Кубату, который явно гордился своей начитанностью, мудро изрек:

– Отображение реальности, дорогой Мак-Смоллет, нередко утрирует жизненные коллизии, трудности, человеческую агрессивность. Это естественно, поскольку придает повествованию занимательность. Нам придется быть предельно осторожными, чтобы не сгинуть среди книг.

– О-хо-хо, – вздохнул негр. – Кащей проклятый!..

– Кто? – не понял я.

– Кащей, – раздраженно пояснил Кубату. – Мага так зовут – Кащей Бессмертный!

Глава вторая, *в которой Кащей встречает дикарей*

Лысый генерал произнес это с такой значительностью в голосе, что и Холмс, и Ватсон почувствовали себя несколько уязвленными. Для них имя это было пустым звуком.

...Для них, но не для внимательного читателя, знакомого с историей острова Русь. Он помнит, как закованный в цепи Манарбит после восстановления этномагического поля вновь обернулся злым Кащеем и проводил своих незваных гостей проклятиями и угрозами. Далее события развивались так...

На третьи сутки пребывания в неволе Кащей поклялся озолотить того, кто его освободит. На седьмые передумал и решил только пообещать озолотить, а после освобождения наоборот: превратить своего спасителя в какую-нибудь особо мерзкую тварь. К концу третьего месяца Кащей, приобретший за этот срок привычку разговаривать сам с собой, торжественно произнес вслух:

– Клянусь, когда меня освободят, я не стану тратить силы на того, кто это сделает. Нет. Я уничтожу *весь* этот гадкий мир, в котором я, самый могущественный волшебник, подвергаюсь неслыханным унижениям!

В тот же миг, подобострастно кланяясь на ходу, в камеру пыток просеменил невесть откуда взявшийся поп Гапон.

Кашей сообразил, что не стоит посвящать Гапона в свой новый, только что выдуманный, план, и вскрикнул с притворной радостью:

– Гапончик! Милый! Ты ли это?!

– Я, Кашеюшка, кто же еще.

– Вот радость-то, вот радость, – забренчал оковами Кащей. – Ну-ка, Гапончик, помоги мне отсюда выбраться. Будем с тобой мед-пиво пить, усов у нас нет, так что все в рот попадет. Жить будем дружно...

Тут только осмыслив беспомощность своего вчерашнего господина, Гапон выпрямился, расправил плечи. Приосанился:

– Жить дружно? С тобой, что ли, козел? – Он прошелся вдоль Кащея, проверяя надежность цепей, и добавил: – Мед-пиво пить? Да с тобой хоть с усами, хоть без усов ничего в рот не попадет. Ты же все приколы строишь! Кто мне банан из слоновой кости подсовывал? А?! А кто в зелено вино слабительного намешал? Кстати, мед с пивом ничуть не хуже подействуют...

Не удержавшись, Кащей хихикнул от приятности воспоминаний, но тут же, взяв себя в руки, взмолился:

– Да это я по дружбе, Гапончик! Ты ж мне как брат родной!

– Как брат?! – покачал головой Гапон. – А не ты ли мне говорил, что правильно свет мой – Алена Соловьишнишна – к Муромцу убегла, что, мол, зачем ей такой, как я, заморыш дебилный?

– Заморыш, Гапончик, – это значит гость заморский, важный, и не дебилный вовсе я говорил, а дебилый – рослый да здоровый.

– Не знаю такого слова, – нахмурился Гапон.

– Словарь Даля почитай! – посоветовал Кащей. – И вообще, шутил я!

– Ясенько. Освободить я тебя освобожу. Дай только придумаю, чего за это просить с тебя да как сделать, чтобы ты от обещаний своих не отрелся.

С этими словами Гапон уселся на стоящую поодаль плаху и тяжело задумался.

– Предложенье есть, – первым нарушил тишину Кащей минуты через три.

– Выкладывай, обмозгуем.

– Думаю, нет тебе ничего милее, как стать князем русским заместо Владимира, а княгиней – чтоб Соловьиных была. Это я тебе запросто устрою. А во-вторых, как сделать, чтоб я свое обещание выполнил. Нужно взять с меня честное Кашеево слово...

– О-ха-ха! О-хо-хо! – схватился за живот Гапон. – По первой-то части я с тобой согласен: князем быть – это хорошо. А вот с честным словом твоим – это ты загнул, загнул...

– Ты что же, тать, не веришь мне?! – грозно вскричал Кашей, вспыхнув, но тут же и осекся. – Ладно, будем считать, первая часть принята за основу. Давай про вторую думать.

Они вновь надолго замолчали. Первым опять взял слово Кашей:

– Ничего нам не придумать. Как ни поверни, все равно я тебя обхитрить смогу. Так что или поверить тебе придется мне на слово, или уж не знаю что.

– Погодь-погодь, – перебил его Гапон. – Есть одна мыслишка! Дай додумать, не мешай...

Кашей нетерпеливо побренчал цепями, но произнести еще хоть слово не решился. А Гапон принялся излагать свою гениальную идею:

– В цепи тебя Иван со своими басурманами заковал, так?

– Ну, так...

– Оттого они это сделать смогли, что прибор твой колдовской отключили, верно?

«Он слишком много знает», – подумал Кашей, а вслух согласился:

– Верно.

– Почему ты, несмотря на всю силу свою колдовскую, освободиться не можешь? Потому что руки закованы, а тебе, кроме заклинаний, еще и пассы специальные надо делать. Так?

– Так, – неохотно признал Кашей.

– От прибора нить волшебная тянется к дубу, где яйцо хрустальное хранится. Если ниточку эту обрезать, то ты снова силу свою потеряешь!

– Только попробуй!!! – взъярился Кашей.

– Не бойсь, не буду. Мне это самому невыгодно. Так я поступлю: освобожу тебе одну руку, пилку дам. А сам возьму ножницы да с нитью той рядышком сяду. Ежели ты супротив меня коварство какое измыслишь, вмиг ту нить перережу, и снова ты силу потеряешь.

– Не перережешь! – злобно сверкая глазами, заявил Кашей. – Ты тогда и сам другим человеком станешь.

– А мне терять нечего, – захихикал Гапон, – я и с прибором человек маленький – попик Гапончик, советник княжий да Кашеев. И без прибора – литературный критик, тому обучающий, чего сам делать не умею. Так что обрежу, будь спокоен.

Кашей сник, а Гапон, схватив пилку, перепилил оковы на правой руке, отдал инструмент и опрометью выскочил из камеры.

Освободившись (для скорости Кашей пилил не цепи, а собственные конечности, тут же вырастающие заново), чародей выбежал из дворца. Гапон сидел на поляне, в одной руке держа кабель транслятора, а в другой – ножницы. Мелко трясясь и хихикая, Гапон крикнул:

– Эй, Кашей, сделай-ка мне сюда еды побольше, а то ведь проголодаюсь!

– Я те что, холоп дворовый? – огрызнулся Кашей.

– Ну как хочешь, как хочешь – закивал головой Гапон. – Режу!

– Тьфу ты, навязался на мою голову, – проворчал в сердцах Кашей, затем что-то прошептал и взмахнул руками. С громким хлопком и бирюзовой вспышкой возле Гапона возникли три корзины – с фруктами, пирогами и бутылками.

– И колбаски, колбаски еще! – крикнул Гапон. – Да получше.

Ударив его по затылку, с неба свалилась палка сервелата. Глаза Гапона расширились:

– Ты так больше не шути, Кашеюшка, – крикнул он. – Я ниточку-то чуть было уже не перерезал. Лучше делом займись. На все тебе три дня даю, как положено. А потом – пеняй на себя. Ну-ка расскажи, как обещание свое выполнить думаешь?

– А вот это уж фиг тебе, – отрезал Кашей. – Сказал – сделаю. Как – не твоя забота.

Со словами этими он повернулся к Гапону спиной и воротился в замок. Уселся на трон и задумался. Выполнять обещанное Гапону он не собирался, это само собой. Другая мысль глода его – как весь мир уничтожить? Не так-то это легко, если учесть, что сила его действует только в пределах острова. Да и тут ДЗР-овцы снуют... Кашей скривился от неприятного воспоминания и для успокоения взял нелюбимый фрукт – банан.

Но мысль о ДЗР-овцах не отступала, и вдруг Кашей почувствовал, что она же может ему чем-то и помочь. Департамент реальность защищает, он же хочет ее уничтожить. Значит, нужно выяснить, что реальности угрожает, и этим воспользоваться...

На мгновение Кашея посетила неприятная мысль: «А сам-то я не исчезну вместе с реальностью? – Но он без труда отогнал ее: – Нет, быть того не может. Я ж бессмертный». Этномагическое поле действовало на умственные способности своеобразным образом.

Тут-то и припомнилась Кашею похвальба Смолянина: о том, как они спасли мир, вернув в свое время каких-то пацанов...

«Вот! – мысленно вскрикнул Кашей. – Выкрасть отроков да упрятать понадежнее!» От волнения он засунул в рот так и не очищенный банан и сжевал его, не обращая внимания на кожуру.

«Как выкрасть? – принялся он бегать туда-сюда по тронному залу. – Где схоронить? Здесь разве? Нет, тут ДЗР-овцы уже побывали, могут снова пробиться! Убить? Нет, лучше чего-нибудь пошумнее придумать...»

Высочив в дверь, он сбежал по каменной лестнице, метнулся в подземелье. Двери камер были распахнуты настежь, пленники отпущены – значит, и это помещение ненадежно. Вернувшись в тронный зал, он наткнулся на другую дверь: туда, став Кашеем, он за ненадобностью не заходил никогда. На двери, шевеля губами, Кашей прочел: «Библиотека» – и с трудом вспомнил, что это означает. Из всех книг Кашей уважал лишь свои собственные былинки, высмеивающие князя Владимира, богатырей да боянов.

За дверью обнаружили длинные ряды запыленных стеллажей с книгами. Они занимали все обширное помещение, оставляя место только письменному столу и старому шкафу в углу. И тут Кашей аж присел от удовольствия: вот прикол-то! Он спрячет драгоценных отроков в книгу! Пусть их там попробуют найти! Вперив взгляд в платяной шкаф, Кашей забормотал волшебную тарабарщину и взмахнул руками. Грохнуло, вспыхнуло, и шкаф отныне превратился в магический прибор, переправляющий любого желающего в вымышленный книжный мир. А в какой, зависит – вот прикол-то! – от того, какую книжку под шкаф вместо сломанной ножки подсунешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.